

**ЕЛЕНА
ИВАНОВА-
ВЕРХОВСКАЯ**

поэтическая серия
Библиотека журнала «Дети Ра»

основана в 2008 году

ЕЛЕНА ИВАНОВА-ВЕРХОВСКАЯ /

ДРУГАЯ ПАМЯТЬ

Москва

Библиотека журнала «Дети Ра»

2013

Елена Иванова-Верховская
ДРУГАЯ ПАМЯТЬ

Стихотворения

М.: Библиотека журнала «Дети Ра», 2013. — 104 с.

ISBN 978-5-91865-200-8

© Е. Иванова-Верховская — стихотворения, 2013
© Библиотека журнала «Дети Ра» (издательство
«Вест-Консалтинг») — оригинал-макет, верстка, 2013

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

* * *

Пьет бабочка. Упругий хоботок
Скользит по влажной, придорожной гальке.
С нее китаец, кисточкой по кальке,
Копирует небесный завиток.
Пьет бабочка не благостный нектар,
Как ей положено, а точно бог на крыше,
Где капельки дождя теплей и ближе...
Вода простая, превращаясь в пар,
Щекочет облака, и бог смеется.
Светлеет море рядышком с рекой...
Вот так в сосуды щедрою рукой
Несмешанная влага разольется.
А ветер парус рвет и сушит шелк,
И все колеблется в его летучем зное:
И бабочка, сложившаяся вдвое,
И маленький китаец возле ног.
Он так сидел, пока не вышел срок,
И бабочка к его руке летела,
Она хотела пить, она хотела...
Но сколько длится бабочки глоток?
Всего лишь миг, в который нас не станет.
Так было все лет тысячу назад,
Сейчас здесь вечность. И на заднем плане
Врисованный классический закат.

* * *

Капли песка вокруг крабовых лунок,
Море ловит ступни, и прохладой скользкой —
Шаг за шагом к глазам подступающий сумрак,
Где ожоги медуз все внезапней и чаще...
И от лунного цвета песка оторваться,
Оставляя следы, будто птичьи, и перья,
И сомкнуть плавники, чтобы стали сбываться
Это древнекитайское море и берег...
Но не птица, не зверь — возвращаются волны,
Уплотняется воздух дыханием частым.
Обретая черты, только сходство не полно,
Потому что к себе нелегко возвращаться.
Белым шелком луны, повязав изголовье,
Я спешу все стихи прошептать до рассвета...
Жизнь не делает пауз, спасаясь любовью,
В этом мире, всегда переполненном светом.

* * *

Я касалась твоего пространства —
Оно затянулось, будто ранка на руке...
Нужно много любви, чтобы в нем остаться,
Но любовь не происходит никак и ни с кем.
Стало столько света, что можно задохнуться,
Напряжение веток — его я трогаю рукой.
И мартовские ветры все тянутся и рвутся,
Но я так хочу в твое тепло и покой.
Времена поделены — нельзя повториться,
Чужое пространство — это шар изнутри,
Такое полое, что начинает двоиться.
А любовь не приходит — ну хоть умри!
Ни теперь, ни после. Здесь весны начало,
А у людей знакомых все будни и дела.
Сначала терпели, потом мешала,
Потом заболела и почти слегла,
Почти одиночество и чувство потери,
Но все-таки радость, неистребимая, как беда,
И чувство птицы, и чувство зверя,
И того, что не случится уже никогда.

ОСЕННИЙ ЧЕЛОВЕК

Осевший всхлип небес над илистым подворьем,
Деревьев забытье. Под пиками ветвей
В поблекшее тряпье осенней мягкой хворью
Вползает, чуть дыша, озябший муравей.

И все. Мы с ним вдвоем опять на этом свете.
Он спрятался и спит, мой слабый свет лоя.
На долгий снег земля в свидетели наметит,
Гряды продрогших туч, меня и муравья.

Меж нами связь одна — мой крест над изголовьем.
Я не хочу здесь быть, но я из этих мест.
И я живу как есть, мешая мат с любовью,
Я тоже вроде бог, на восемь верст окрест.

В осенней пелене ворочается ветер,
Сметая дальний свет давно погасших звезд.
Всем хочется тепла. Но с каждым днем заметней
Чернеющий провал восьми бездонных верст.

Там за окном всегда картофельное поле.
Я не хочу здесь быть, но я его люблю.
И я вношу мешки, и прячу их в подполье.
Осенний человек — осеннему жилью.

АФГАНИСТАН

Тихо и влажно лепечет восток.
Окна уже не вмещают луны.
Нет, безмятежно карающий бог,
Явно из этой забытой страны.
Так и живут. Почему бы не жить?
На языке под названием «дари»
Учат друг друга пахать и любить.
Мудрости этой к чему буквари?
Средневековья медлительный клин
Гонит верблюдов своих и овец,
Наперерез, мимо нищих глубин,
Под реактивно-терновый венец.
Вот и дошли. Взгромоздясь на возок,
Дремлет дехканин, скорбя о семье...
Где ты, капризный восточный пророк?
Будь милосердней к нему, чем ко мне.
Убереги его дух от огня,
Жаждой расправы он жалко томим,
Дай превозмочь, у судьбы не отняв.
Страшно в безвременьи детям твоим.
Я для него — как железо и гром.
Он же из дерева соткан и трав.
В мире одном, в веке одном
Непониманья рождается страх.
Вот я из дома опять выхожу,
Вот его взгляд меня ловит и ждет...
Жизнь, как дыхание, чуть задержу —
Если не выстрелит, может — поймет.

МОЛИТВА

Больно. И мир, как тень —
Странен, не отогреть.
Больно так. Каждый день.
Так не должно болеть.
Странствуют снегири,
Детские гости зим.
Господи, примири
С диким житьем моим.
Я зажимаю стон
Новой заботой дня.
Господи, я-то кто?
Что ж все не до меня?
А мне до твоих крестов
Только рукой подать,
Но я не знаю слов,
Чтобы тебе сказать.
А мне до твоих пустынь
Словно до мостовых —
Господи, не остынь,
Раз сохранил в живых!
В доме своем брожу —
Господи, пронеси...
Дочке в глаза гляжу,
Только б хватило сил.
Что же с тобой не в лад
Странствует скорбь моя?
Самый тревожный взгляд —
Слезы у января...

* * *

Как мешает влюбленность теченью обычного дня.
Обязательным просьбам, привычным звонкам
и вопросам.

Ты достанешь меня, даже взглядом достанешь меня,
И я стану ничем, просто легким огнем папиросы
В чьих-то пальцах. Уносит дыхание прочь.
А вчера ты прошел и махнул бесполезно рукою,
Я лечу пропадать. Серым присвистом мгlistая ночь
Созывает туман, чтобы таять потом над рекою.
Скоро лета канун, обозначенный словом — весна,
И осыплются вишни и майские грянут морозы.
Я давно собираюсь смешать и забыть имена,
Разметав лепестки, будто письма, в разреженный воздух.
То озон, то озноб, опалив полукружия слов,
В небесах грозное бесчинствует, плавится жало.
Я давно бы сказала — по кругу проходит любовь,
Только слеп этот странник, и ему не вернуться к началу.
Ты зашел далеко, ты сумел бы и дальше зайти,
Где по пояс трава — видно, вправду приснилось
мне лето.
И проснуться не жаль — засыпать я боюсь. Отпусти.
И потом отпусти. И не надо мне больше про это...

ВЕНЕЦИЯ

Шипит вино, стекая на песок,
В себя его немедленно вбирая.
А солнце возвратится на Восток,
Дойдя до края.
Стеклянных бус мерцает глубина,
И донный сумрак плещется в канале,
Так просто думать, что судьба одна,
Что жизнь одна, что где-то не совпали...
Канал — колодец, выше до венца,
Над срезом улиц — ангелы в просвете...
Венеция листает без конца
Свои столетья.
Пускает лодочки вдоль окон, на залив,
Бесплотных масок кружит хороводы,
За годом год, надменно терпелив,
Восходит город в сумрачные воды.
Не помнит более пространства и людей,
А трепет жизни — трещины и фрески,
И рыбы тайны мраморных затей,
И запах водорослей резкий.

ЕСЛИ Я БОГ...

Татьяне Александровне Бек

Если я бог, то где мое небо?
Мир мой, единственный из миров?
Если я бог, почему непотребна
Нежность моих воспаряющих слов?

Мелким Икаром, спичкой Вселенной,
Не понимая причины судьбы,
Падаю вниз, пламенея мгновенно,
Не различив, не успев, не побыв

С рыбами — рыбой, а с птицами — птицей,
И под прицелом намеченных вех.
Все возвращающей, властной десницей,
Только туда. И ни вдоха наверх.

Но удержать притяжение края
Вечных закатов усталой земли,
Чтобы понять, как деревья страдают,
И умирают зачем воробьи?

Чтобы потом в оглушающе летних
Сумерках ждать пробужденья травы,
Чтобы ни первых уже, ни последних...
Только любимых. И только живых.

НОЧЬ

Смешение звуков за рамой окна
Давно прекратилось вмешательством ночи,
И в каждом отдельно живет тишина, —
Густая, июльская, влажная почва, —
Навязчивым ритмом незримых шагов,
На свет фонаря направляя движенье,
И вновь попадая под кроны растений,
В изгибы и тени ночных облаков,
Дробится, мельчает. И вот уж чернеют
И мягко клубятся провалы реки,
Где донные травы в бессонных затеях
Сплетают и вновь распускают венки.
Пугая прохожих, плывет перекличка
Уснувших, прошедших, пропавших времен,
И души оврагов, взлетая по-птичьи,
Похожи на черных, закатных ворон.
Мерцающих бликов бегущая строчка,
И неба бездонный и вечный ответ,
И только один несмываемый прочерк —
Тот лунный зрачок, поглощающий свет.

ПРАГА

Когда бледнеют утренние ветры,
Слетая с башен, бьют часы на каждой.
И в полумраке, перед первым светом,
Все прочь, все дальше переключка стражи
Как будто? Но торжественно знаком.
И близок профиль улиц, схожий с Дантом,
Подписанный славянским языком
С графическим латинским вариантом.
Как сделалось? И в этом нет вины,
Легло на душу, точно крест нательный,
Как будто рядом не было страны,
И жил народ и выживал отдельно.
У каждой сути должен свой зенит
Свершиться, свой талант, своя отвага.
Вот так над Влтавой Чехия звенит
В колокола твоей вершины — Прага.
Здесь по ночам уместен только дождь,
А днем и солнце даже станет лишним,
И дом не нужен, как в него войдешь,
Когда вдоль облаков пылают крыши?
А путники снуют, а мир не тих,
В присутствии янтарного напитка.
Мосты как продолженье мостовых
Выстраивают новую попытку.
И вот уж тяжелеет поступь. Рим
Вдоль прежних улиц гонит толпы звонко.
Как это просто — быть везде чужим,
И уходить за Цезарем вдогонку.

УЛИЦА ДАНТЕ

От площади полуденного света,
Где мраморы богов, как в церкви свечи,
Шла улочка, как будто бы от ветра
Укрытая за каменные плечи.

Иная воля. Властный дух любви,
Плиты и розы имя — Беатриче.
Все живо так, что только позови —
Вернется вновь с неспешностью античной.

Все названное именем одним:
Мосты Арно, и башни, и аркады...
А тот, что избран был, но был гоним, —
Его и вовсе называть не надо.

Остановите небо, ибо им
Терпеть любовь без времени и срока,
За кругом круг, под именем одним,
В тосканской вечности Флоренции далекой.

В земную тень склоняется луна,
И зыбкий сумрак улиц следом тает.
Но где-то рядом светится одна
И так же, как душа, не угасает.

РОЖДЕСТВО

Облаков тенистые барханы
Небо обозначило к утру.
Снег к земле тянулся точно равный,
Брат, давно не видевший сестру.

Уцелевшей кромкою рассвета
Укрывал, как мог, ее тепло.
Здесь когда-то раньше было лето,
А теперь, как водится, прошло...

Оплывает талая тревога,
С лиц твоих неугомонных чад,
Здесь когда-то вспоминали Бога,
А теперь забыли и молчат.

Сходит ночь в январском Вифлееме,
И, дойдя до северных полей,
Вечным, волчьим глазом глянет время
И потянет хлебом от дверей...

ЛЮБЛИНО

Светились окна, жарилась еда,
Склонялись тени к жестким изголовьям.
Такая жизнь, почти уже беда,
Где сон вдвоем считается любовью.

Я заблудилась в снежном Люблино,
Когда осталась в этом стылom месте.
Плыл запах инея, похожий на вино,
И небо отзывалось мерзлой жестью.

Был намертво кодирован подъезд,
Не подпускал и гнал под белый ветер
К собакам, замерзающим окрест —
И были мы едины в целом свете.

Лохматая и брошенная рать
Металась по дворам и по задворкам,
А то, что тоже надо выживать,
Я понимала, как они, — подкоркой.

Так обрывают нити у живых,
И память остывает еле-еле.
И не было ни добрых и ни злых,
А был последний взмах ночной метели.

МАРТ

Уже не прощаясь, в молчаньи,
На землю присевший снег
Заторопился отчаянно,
В талый пускаясь побег.
Потом по лесам ручьями
Он новые тропы пробьет,
На реках гудит, как пламя,
Мартовский ледоход.
И ускоряя паденье
Всех снежных завалов и глыб,
Восходит дождем весенним
В небе созвездие Рыб.
Под ними летают птицы,
С ними светлее восход,
Веток упругих спицы
Взъерошили небосвод.
Тугие комочки перьев
Бегущей строкой несет.
Поверят. Теперь поверят,
Что — все возможно. Все...

ЖЕНЩИНА

Вот иду домой и плачу, —
Почему — одна — домой?
Жизнь давно переиначена,
И теперь ты не со мной.

Унесло, покрыло инеем
Темной влагой разных лет,
Все смотрю на жизни линию —
У нее обрыва нет.

Хиромантий утешение,
Гороскопов забытьё...
Но мгновенье за мгновеньем
Утекает жизнь в житьё.

То ли было предназначено,
То ль сложила, не сумев
Ничего понять, иначе я,
Ничего не одолев.

По кустам шныряют лешие
Придорожной маятой...
И усталая, нездешняя,
Я одна иду домой.

ЛЕТО В СИМЕИЗЕ

Из зимней беспросветной лени,
Из мутного, как сон, стекла
Вдруг отслоились два мгновенья,
Почти бесплотных два крыла.
«Жива ли я? — Жива, жива...»
И островерхие растенья,
Как перья, пробует трава,
Вплетая бабочки движенье
В рисунок облаков и птиц
И в очертанья чьих-то лиц,
Что наклонились над травой.
Огромный воздух голубой
Стал веществом и стал простором,
И птичьим щебетом, и вздором,
И медноликою сосной.
Живое отраженье лета
На влажном движется песке, —
То птичий след оставит где-то
Из ничего возникшим светом —
Смолой на выцветшей доске
Застынет вдруг, живя подробно.
А ливни сумеркам подобны,
И дремлет кошка в холодке.

ДВОРЫ

Куда бы жизнь моя не съехала,
Все будут сумерки мне сниться,
И мама с постаревшей Пьехою,
Любимой с юности певицей.
И первый двор, давно потерянный,
И двор второй, что еле дышит,
И я ступаю неуверенно
По мостовой, будто по крыше.
Но память проржавевшим желобом
Подхватит все-таки у края,
А небо смотрит очень холодно,
Как будто бы не узнавая.

ИЮЛЬ

Тяжелую, стылую воду
Загадочной ямы лесной,
Я чувствую как непогоду
В июльский сгустившийся зной.

Хранит прошлогодние листья
Глубинную схватку корней,
И лес, обнаженный и чистый,
Как в зеркале видится в ней.

Со дня убывания света,
Длиннее которого нет,
Взрываются сумерки лета,
Как хвост улетевших комет.

Еще впереди сенокосы,
И Яблочный спас, и другой,
Но яростно кормятся осы
Погибшей в пруду стрекозой.

Но жажда, которой не хватит
Тепла, если дни на излет.
И каждый за что-нибудь платит,
Кто после, а кто-то вперед.

НА ДАЧЕ

Вечерняя слабость плывет между строк,
И строки больнее жалят,
Но эти стихи еще не урок,
А повод к бессонной печали.

Гамак паутинную колыбель
Меж старых стволов развесит,
Еще не июль, но уже не апрель,
И лета на целый месяц.

Плывет волейбольная тишина
Поляны лесной, где с краю
Поверженный мяч и деревьев стена
Возле костра замирают.

Дразнящий воздух запретных тем,
Взрослеют подростков лица,
День равного света проходит затем,
Чтоб сумеркам дольше длиться.

И властная времени глубина,
И пауз высокая сила,
И дети, к которым пришла весна,
А осень не приходила...

ОТРАЖЕНИЕ

Тогда я отражаюсь, если ты
Захочешь видеть, узнавать и длиться,
Там, где мы только повод повториться,
Не сознавая больше пустоты
Присутствия, и обретать черты
Каких угодно выбранных предметов,
Сиреней у дороги, если лето,
Спокойствия и сумерек зимы
В овале снега. Это там, где мы
Бесцветней радуги, чтоб зажигать желанья,
Смертельной жизни, если нет названья.
Поторопись, чтоб не терять следы,
По ним мы собирались путь наметить,
Чтоб возвратиться, следует ответить
Кому-нибудь. Похожее на дым,
Стирает облако небесную шпиргалку,
И не себя, а отражений жалко,
Хоть каждый все-таки здесь был неповторим.

* * *

Увидеть все, чем засветло живу,
Упершись в локти и сведя ладони.
И мир внутри, совсем не наяву,
Тихонечко и жалобно застонет.

Как будто потерявшийся щенок,
Доверчиво не склонный к укоризне,
Он может то, чего никто не смог,
Он был всегда и он умнее жизни.

ОКТЯБРЬ

Листьев потравленной медью
Край бездорожья блестит.
Лес, так растерянно бледен,
Все порывался цвести.
Где безнадежнее ивы
Берег тоскливый и склон,
Под пересвист торопливый
Дернется стылый вагон.
И поползет за составом
Ближних полей белизна,
Холод и слева, и справа,
Через полгода весна
Помнили мерзлые чащи,
Пряча примолкших ворон,
Помнил и сумрак дрожащий,
И опустевший перрон,
И придержавший нам двери
Местный похмельный дедок
Тоже был в чем-то уверен,
Часто крестясь на Восток.

НОЧНАЯ БАБОЧКА

«Подними меня повыше, подними,
Не пускай туда, где желтые огни
Зазывают под стекло, чтобы сгореть
Подними меня, так легче умереть».

.....

Шорохом крыльев, похмельем ночным
Манит фонарный устойчивый дым.
Бабочка бьется полету назло
Крыльев оплавленных — не повезло.
Падает горсткой сгоревшая плоть,
Так ей ссудил милосердный господь,
Времени нету отсчета, когда
Лишь до утра доживает звезда,
Лишь до звезды догорает закат,
И никогда не вернуться назад,
И не к чему пробиваться вперед.
Сколько отмерено, столько живет,
Всяк кому жить суждено на миру,
Разною мерой. К утру так к утру.
Из поднебесной прорехи рассвет
Падал за теми, кого уже нет, —
Бабочки нет, и цветка, и листа...
И на мгновенье длинней пустота.

ОСЕНЬ

Я становлюсь все холодней,
Все ощутимей знак прощанья,
И чередѣ ушедших дней,
И приходящих — нет названья.
Вороньей стайей по пятам
Они летят под птичьѣ бредни,
Не рассветает по утрам
И каждый встречный как последний
Гость, задержавшийся, один,
Всегда один, на всю округу,
И вдовьи сумерки рябин
Ревниво тянутся друг к другу.
Роняют молча, до корней,
Крылатой трапезы обѣдки,
Кровоточащих ягод ветки
На сером кажутся больней.
Клянет соседка холода
И жизнь без радости и лада.
А сверху кружится звезда,
Которой ничего не надо.

ЧЕРЕМУХА

Там, куда падал бессильный закат,
С линии ломаной крыши,
Запах луны принесли облака
И опускаются ниже.
Мимо черемух, чья душная тень
Вся пропиталась дурманом,
Кружится ночь, кружится день
И осыпается рано.
Веток поломанных тесен кувшин,
Рвется и влагу вдыхает,
Белый по комнате плавает дым.
Кажется — будто светает.
Скоро укроет белесый туман
Нижних окраин приметы...
Люди и звери так сходят с ума.
Так начинается лето.

ТЫ и Я

Туманный сумрак, зыбкий край,
И тишина дворов и улиц,
Там, где фонарный светит рай,
И мы с тобой сюда вернулись.
Вернулись, чтобы разойтись
По двум окраинам на сутки.
Я уезжаю. Ты не злись,
Такая, видишь, Кама-Сутра,
Такое вышло бытие,
Две кухни, время по минутам,
И утро есть твоё, моё,
И общего не будет утра.
А будет скроенных часов
Случайно вырванная кража,
И никаких не хватит слов,
Молчания не хватит даже,
Чтоб объяснить зачем, к чему,
И стоит вообще так рваться,
Чтоб, уезжая к одному,
Совсем к другому возвращаться?

* * *

Простое качество простора
Быть всюду и не быть ни с кем.
Январских слов поспешным вздором
Его не обуздать, затем
Унылый круг местоимений
Сомкнуть, чтоб обозначить где
Одной на всех довольно тени
И безутешно плыть звезде,
Слабея среди зимней стужи,
Равнины горестный урок,
Когда и воздуха не нужен
Почти спасительный глоток,
Но вырваться за птичьим ветром,
Всего-то выше на версту,
Чтоб вдоволь надышаться светом,
Как дерево, подняв листву,
Пройти путем чужих селений,
В чужую речь повергнуть слух,
Чужих богов благославенья,
Не сторониться. Юный дух
И всякой малости приметы
Откликнутся, едва задень...
И шел от сотворенья света
Еще один бескрайний день.

* * *

Вот бы жизнь простоять у колодца,
Улыбаться, слов не различая,
И смотреть, как вниз ведро сорвется,
Боязливо, наклонясь у края.
Воду разносить цветам и травам,
Зачерпнув в трепещущей горсти,
Эту серебристую забаву,
Будто птицу в небо отпустить.
И блаженной душой деревенской
Дождь ловить и собирать в платок,
С неосознанной тоскою женской
Прижимая мокрый узелок.
Обо всех погоревать на память,
Дождь прошел, и некуда спешить...
Эту жизнь, конечно, не исправить,
А другой, конечно, не сложить.

* * *

Свет без тепла — это зимняя данность.
Ветер и тени. И хлопьев заплатки.
Вдоль тротуара дыханий туманность, —
Беглых скольжений привычны повадки.
В теме зимы не угнаться за всеми
Слишком коротким разбегом лучей,
Темное время, светлое время,
И промежуток ничей.
Что в нем скопилось, и, что отзовется
Медленным паром, замерзшим у губ,
Льдистая влага по капле крадется
И не вернется, застыв на снегу.
Как, не замерзнув, со всем распрощаться,
Или со всеми, иль только с тобой?
Что тебе стоило чуть задержаться?
Но промежуток короткий такой!
Теплое время. Холодное время...
Боже, как плотно легли облака,
Снова ошибка, и снова не в теме,
Той, что любовью зовется пока.

* * *

Птичий крестик на песке,
Птичьи сумерки на небе.
Всем снующим налегке,
Помышляющим о хлебе —
Бог не фраер, Бог — он Бог,
Подавать никто не хочет.
Луч стремительный рассек
Ствол осины — в небе прочерк
Ветки, воробьиный пыл
Клейкой зеленью щебечет,
Закружился, снова взмыл,
Наигрался в чет и нечет,
В свет и нечисть. Масти в цвет
Козырные дни апреля,
Каждый прожитый — билет
В лотерею — к Лорелее
Сверху вымыто окно,
Где беспамятство подхватишь.
Все мгновение одно
В форточке, раскрытой настезь.

* * *

Воздух светился и, оживая,
Плыл между крон
И опускался на крыши, сгоняя
Вздорных ворон,
Делая легче походку и взгляды,
Птичьим пером
Разрисовал ближних улиц фасады,
Каждым окном
Высмотрел небо. И задышало,
И понеслось.
Капало, падало и ворковало
Вдоль и насквозь.
Вдоль тротуаров и линий трамвая,
В щебет и гам.
Веток набухших черная стая
По сторонам.
И как попало по переулкам
Кружится путь,
Чтоб в ожидании сумерек гулко
Вновь утонуть.
Чтоб пропадать, как всегда пропадала,
Чтоб не одной...
Жизни оставшейся кажется мало
Каждой весной.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Месяц май — развеселый месяц,
Только мне не хватило тепла,
Путь рождения был невесел,
Двор сиренями занавесив,
Даже улица не ждала.
Без фамилии — дедов росчерк,
И всегда только мама одна,
И под знаком ее одиночеств
Подрастала моя вина.
И пустой графы не заполнить
Из недетской моей маяты,
Только зеркало, чтоб запомнить
Неоформленные черты.
А потом на портрете — мальчик
Итальянский с моим лицом,
Поняла вдруг, что мир обманчив, —
Жизнь случается без отцов.
Век — пятнадцатый, фон — Тоскана,
Я туда возвращалась бродить,
Вспоминая, чего же искала,
Вряд ли думая находить.
Близь Перуджи все это было,
Сквозь бескрайние сотни лет,
Пробивались мы с ним, чтоб хватило,
Сил еще на один сюжет.

* * *

Вот створ калитки, край скамьи,
И сад, он полон сил и блеска,
А там вечерние огни,
Сухие вздохи перелеска.
Все длилось сотни лет подряд
И за день длиться перестало.
Березы с липами стоят
Теперь, как беженки с вокзала.
Лучи ломая, жжет закат
За актом акт судьбу к финалу,
Но зрителей последний ряд
Свистит и требует: «Сначала!»
Чтоб полусумрак, полусвет
На фоне поля и колодца
Продлились. Или даже нет,
Чтоб просто знать, что все вернется.
О как же медленно тепло
К ладоням и стволам струится,
И то, что сказано — прошло,
А что не названо — случится.

* * *

Капель грохочет по железу,
Железо с солнцем наравне
Роняет огненные жезлы
На разом потемневший снег.

Оцепеневшие рассветы
Придут, на сумерки отстав,
Кириллицей вписав заветы
Вдоль перекладины креста,
От поданных пустынь и ветра
По праву света и родства.

Папирусами водной глади
Мерцает обращенный Нил,
Как будто клинописи ради
Он всех царей похоронил,

Сомкнув жестокие объятия
Несоразмерных пирамид
И отраженным светом платит
За мир, который не забыт.

Пескам за давнюю подсказку
Оставил храмы и холмы...
И всюду золотые маски
Улыбок, отнятых у тьмы.

* * *

Александру Климову-Южину

Пасека тебя как пасынка
В зиму вытеснила прочь,
Золотая с медом мазанка
В снежную приснится ночь,
В холод ожиданье спорится,
Только память все метет,
Ходят дружно за околицу
По привычке пес и кот.
В городе осев потерянно,
В побелевшее стекло
Все смотреть, как дышит дерево,
Как повисли тяжело
Облака над ним. И нервное
Время торопить вперед,
Чтоб, когда наступит первое,
Повторился старый год.
Ну а нового не надо ведь?
Вдоль Чернавы лунный сход,
Порадеть ей, чтоб порадовать
Жизнь на сумерки вперед.
Над прудами небо застится,
Значит, скоро ледоход..
Кот хитрющий к дому ластится,
Пес дорогу стережет.

* * *

Я хочу побыть одна
Там, где улица видна
У двора ли, у окна —
Я хочу побыть одна,
И уйти, пути не помня,
Сквозь промокший месяц март.
Понимая, этот дом мне
Тоже, кажется, не рад.
С самым малым разуменьем
Неопознанных миров,
К церкви, чтоб просить прощенья,
Для себя разумных слов,
Что безгласна точно камень,
Верю слепо, будто зверь,
Что мечусь между флажками
Обозначенных потерь.
Все-таки пройду дорогу,
Стану жалобно кивать,
Потому что перед Богом
Можно просто постоять.

ОСЕНЬ

А дальше только тьма и окрик,
И редкий отклик за стеной,
Деревья в потускневшей охре
Плывут по небу стороной,
И осень как простая баба,
Так долго крестится им вслед,
Их уберечь она могла бы,
Когда б не оскудевший свет,
Не эта глушь, не это поле,
Пустой и стылый горизонт...
Вздыхнув, всплакнет о бабьей доле,
И тяжело спину разогнет...

* * *

Птичий причал, гомон и грай,
Промельки света и заводи,
С краю стоял старый сарай,
Полный поленьями загодя.
Ими топить избы зимой,
Ими сжигать мои сумерки,
Мне ли ходить той стороной,
Той, где не все еще умерли?
Стонет косою пир-сенокос,
Пчелы снуют клевером,
Где васильками ветер зарос,
Тучи торопятся к Северу.
Возле колодца зеленая муть
Свет заслонила обманчиво,
То ли испить, то ли уснуть?..
День как-то надо заканчивать.
Месяц взойдет, звезды начнут
По небу чистому маяться —
Там косари песни поют,
Там и дорога кончается.

* * *

Длинные тени путь перекрыли
И тормозит электричка,
Молча войдем. От любви, от тоски ли
День окликает по-птичьи.

Дачный поселок — там лето в разгаре,
Станем смотреть на дорогу
Перед грозой, наверное, парит
Я отвернулась — «Не трогай».

Там волейбол, там река и закаты,
Пес наш немислимой масти...
В тамбуре кто-то прокуранным матом
Вслух размышляет о счастье.

Ближе к концу где-то возле вокзала
Ласточек низкая стая...
Морщишься — «Не начинай все сначала...»
Что же. Не начинаю.

* * *

Вот, наконец, тот самый дождь прошел,
На третий год. Он долго собирался.
Все отлегло, все будет хорошо,
Не надо повторять — ты зря старался.
А прежде я, наперекор судьбе,
Рвалась, ожесточенно кровь гудела,
Когда я вспоминала о тебе,
И вспоминать об этом не хотела.
И телефона номер как оса
Крутился в памяти и жалил непрерывно,
Я различать устала голоса,
Я даже понимать их перестала.
Идти ко дну, не узнавать весну
И выплывать — невелика затея.
Я научилась понимать вину,
Вот вспоминать — я больше не умею.

* * *

Такой неотвратимый, жесткий шанс
Дается мне, что руки холодеют,
Зачем небесный выверен баланс,
Чего еще понять я не умею?
И шаг за шагом вязкое житье
Зеленой ряской плещется у края,
Прими непонимание мое,
И даже то, чего сама не знаю.
Когда в толпе тягучий липнет страх,
Бегу к стволам, не ведая причины —
Я, может, дерево в твоих лесах,
Любое, Господи, но не осина.
Врастая в почву, обрасти корой,
И обреченный дух и бег стреножив,
Ждать топора, чтоб становясь золой,
Подумать вдруг: «И в этом мы похожи!»

* * *

Дощатый забор весь почти перелатанный,
На крыше грохочущий лист жестяной,
И небо с восходами или закатами,
Как будто калитка закрылась за мной.
Нелепый подросток, а улица длится,
Мне столько, наверно, уже не прожить,
Но сколько я есть, столько будут мне снится
Зеленые сосны у синей межи.
С собой не позвав, вся ватага умчится
В проселочный полдень. Вот старый чердак,
И девочка снова над книгой склонится,
Сама и не зная, что счастлива так.

МОСКВА

Метель меняется местами
Со всем, что есть. Ей город снится.
Когда к утру его не станет,
Как ослепленная волчица,
Закружит, стен не узнавая,
Под дулом черной подворотни
Ее оставившая стая
Уйдет. И ляжет снег сегодня.
На место жизни — милый «Сокол»,
Забуть и сумерек не хватит,
Пусть птицей обернется. Окон
Теперь не стану закрывать я.
Пронзенный копьями строений,
Великомученик Георгий
Поник поверженную тенью
Москвы, и дух их полон скорби,
Чтобы в плену своей неволи,
Когортой нищих оккупантов
Расслышать, как тоскою болен
Рассветный бой твоих курантов,
«Москва!

Как много...»

* * *

Улетающий змей бумажный,
На чужом берегу костер,
Запах сумерек дымно-влажный
Да в черемухах косогор. —
Затянуло воронкой жажды
В обескровленный третий Рим,
Мало в нем родиться однажды —
Надо жить и погибнуть с ним,
Каждой птицею в каждой кроне,
Псом бездомным на мостовой,
В проходящей насквозь колонне
Дай мне силы остаться живой,
Хоть рекой, что в силки угодила,
На Неглинной дождливая взвесь, —
Всем, кого так нескладно любила,
Всем, кого ненавидела здесь, —
Я еще не умею прощаться,
И едва научилась прощать...
Пусть хоть веткой, чтоб ниже склоняться,
Просто словом, чтоб дольше звучать.

* * *

Всюду здесь глушь, бродят огни,
В проблесках луж — кочки да пни.
Рядом стоят, песни орут,
Вместо оград с ряскою пруд.
Только коровий осмысленный взгляд
Полон любовью, да птицы галдят,
Скачут по стрехам и по кустам,
Вот бы уехать в эти места.
Луг за погостом, поле да гладь...
Жить — это просто. Как умирать.

* * *

Еще одним витком разлуки,
Столкнувшись как-то в переходе,
Дыханье превращая в звуки,
Спросить о жизни и погоде.
Толпа двоилась, обтекая, —
«Женился. С этим все как надо».
А рядом женщина другая,
Стоит и не отводит взгляда.
Как будто бы сама с собою,
Я улыбаюсь, глядя мимо,
На миг став женщиною тою,
Любимой рядом с нелюбимой.
И потерять лицо рискуя:
«Прости, мне нужно торопиться...» —
И снова в прошлое лечу я
И не могу остановиться.
В троллейбус первого маршрута,
Не помня времени и суток,
Вхожу, и будто бы нас двое...,
И провода над головою
Двух жизней равный промежуток
Замкнули вольтовой дугою,
А искры сыпятся неистово,
И я в окно смотрю все пристальней,
Как лужи на асфальте пенятся,
И повторяю: — «Все изменится».

* * *

Ведь надо ж было мне дожить до дня,
(А верилось и думалось другое),
Когда шаги как будто западня,
И даже тени не дают покоя.
Когда мешает все и больно режет свет,
Чужих не нужно, близких — невозможно
Признать, любить, терпеть и столько лет
Не знать об этом — вот что так тревожно.
С размаху утро бьет, и дернулась гортань,
И даже словом, звуком не ответить,
Но я сквозь зубы говорю — «Отстань, —
Я не люблю, когда бывают дети».
Так притворяться стоило всерьез,
Теперь за это день пришедший платит...
Какие слезы, — я не знаю слез,
Долги какие? Их на всех не хватит.
Когда бы знать, что все у всех внутри,
Различно так и требует разлада,
Себя в себе, собою повтори
И большего, наверное, не надо.
Пора спешить, пора наметить ход,
Который лишь один себя не тратит,
Попасть в судьбу, а не наоборот,
Всех полюбить и разлюбить. И хватит.
Пора, пропахнув свежую землей,
Все отложить до следующего раза.
Побыть дай веткой, снегом, колесей.
О боже мой, не откликайся сразу.

ХОДЫНКА

Рыжие комья глины
В каменных стынут объятых.
С неба одной половины
Капает дождь на платье.
Кусты, как босые дети,
Дрожат среди ям и рытвин,
Сутки одни на свете
Всего оставалось жить им.
Все это звалось погостом
Или жилым кварталом.
Земли поминальный остров
Краны пронзали жалом.
С землею прощались птицы,
В дома поселялись люди,
И дождь размывал их лица
И серые пятна буден.
Тугие ростки растений,
Цеплялись за воздух ветки, —
И скрещенные их тени
Напоминали клетки.
А дождь точно шмель тревожный
Гудел в немой укоризне,
И было совсем невозможно
Справляться с собой и жизнью.

* * *

На моем языке — осень,
На твоем звучит — непогода,
Ветер сумерки мои сносит,
А твои прибывает у брода.
И купаться мы пойдем ночью,
Хоть друг друга нам понять сложно,
Просто к берегу выйдем молча,
Просто молча одежду сложим.
А я плавать совсем не умею,
Но зато умею погружаться,
В эту осень я тобой болею,
Только если захочешь остаться, —
Этот дом слишком многих помнит,
Задохнуться в нем можно будет,
Здесь и не было столько комнат,
Где когда-то не жили люди.
Тени знают — легка дорога,
Каждый год она все короче...
Ты меня сейчас лучше не трогай.
Очень холодно. Просто очень.

* * *

И воздух подсветкой над травами стелется,
И неба качается абажур,
Корова боком трется о деревце
И много других в пространстве фигур,
И каждый занятье себе понятное
Выбрал и делает не спеша,
А линия света, уже предзакатная,
Все отступает за шагом шаг.
Кольцо разорвав, придорожный ветер
Куда-то в поле укажет путь,
И хочется так влюбиться на свете,
Что вряд ли отыщется кто-нибудь,
Чтоб заменить эти сумерки летние,
Запах черемухи над лебедой,
Чтобы прожить, как минуту последнюю,
Жизнь и единственной, и молодой.

* * *

Тимуру Ведерникову

Когда от слабости немея,
С трудом я поднимаю руку,
И по-другому не умея,
Машу чужому, будто другу.
И не желая приближенья,
Жалею, что проходит мимо...
Мое неловкое движенье
Бесцельно и неизлечимо.
Вино в бокале отодвинет,
Пусть ненадолго, путь к порогу,
Где ничего меня не минет,
Я просто пережду немного.
В вечернем, южном ресторане,
Где быть, не быть — мне все едино...
Но музыкант на заднем плане
Играет так непобедимо.
И что-то происходит в звуке,
Само с собой, само со мною,
Что воздух, сделавшись упругим,
Накрыл такую тишиною.
Я больше не ищу предлога
Для ожиданья и покоя,
Я просто посижу немного,
На все за все махнув рукою.

Коктебель, сентябрь 2007 г.

КОКТЕБЕЛЬ

Устойчивое столпотворенье
На набережной покатоЙ
В серых складках гор
Окрестность меняет
Себя и всех вместе,
Не видящих, но входящих
В этот замкнутый берег
Звучащей гальки.
Ах, как праздно и сладко
Сочатся сливы
На хозяйском столе.

* * *

Хмурится небо над Истрою,
Всякому берег — полынь.
Видишь, большое и чистое
Нас миновало. Остынь.
В малом ведь легче чуть бережней
Быть и друг друга согреть...
Знаю, что больше не веришь мне,
Что же об этом жалеть?
Перебираю по памяти
Жизни минувшую треть,
Руки друг другом не заняты,
Многое можно успеть.
Можно успеть не обманывать,
В ночь возвращаясь домой, —
Не получается заново
Бегать в любовь стороной.
Выпьешь чего-то там, крадучись,
Ляжешь затылком к стене...
Как же легко быть загадочным
И улыбаться во сне.

САНКИ

Белый склон, черный след, давний вечер,
С горки медленно санки ползут,
А на них неживой человечек,
Это я, оглянитесь — я тут.
Подтолкнули, легко отпустили
И оставили снизу стоять.
Рукавички от снега застыли.
Я молчу. Я умею молчать.
Этот сон будет долго мне сниться,
Перед тем как болеть, без конца,
И опять индевеют ресницы,
Ни дыхания нет, ни лица.
В той фигурке, потерянной, темной
Умещаюсь. И время не в счет...
Я себя по-другому не помню.
Снег идет.

Снег идет.

Снег идет.

* * *

Две окаменелости природы,
Два болида под кривой сосною,
Третьи сутки пенье горловое
Длится в ожиданьи непогоды.
Жабьи спинки покрывает хвоя,
Рыжий месяц взял и подобрал,
И понес куда-то за Урал,
Чтоб успеть к японскому рассвету...
Там всегда столетие другое
И не совпадаем мы никак.
Над помойкой выросший ивняк
Машет покалеченной рукою.
Крышки, банки и наивный ельник
По пригорку припустился вскачь,
Где был прошлым летом, в понедельник,
Навсегда потерян синий мяч.
Мошкары свеченье серебристо,
Радугой расцветшая канистра,
В лужу погруженная звезда...
Думать ли о том, какие дали
Нас с тобой в потемках не застали
Или не проснуться никогда?
Чтоб не понимать конца-начала...
Чтоб не видеть, что с тобою стало,
Маленькая роща у пруда.

НОВЫЙ ГОД

Здесь запах хвои декабрю угоден
Столов накрытых прихотлив уют,
А к не накрытым Новый год не ходит,
За ними люди просто так живут.

Всё просидят, не ко двору с пальбою
И пьяной радостью, которой страшен вид,
Им ангел с позолоченной трубою
Безвременье с рассветом протрубит.

И разбегутся, одичав, собаки,
И зашипит поземкой мишура
Всех новых дат, смешавшихся во мраке
Усталого, поникшего двора.

Недоуменьем по утрам болея,
О счастье вспомнив, вновь звенят звонки,
А время не становится добрее
И злее всем подсчетам вопреки.

Оно уводит как из-под обстрела
Лесов окрестных мерзлые стволы,
И пишет белым там, где было бело,
А черным там, где все черней золы.

ДОЖДЬ

Как меняется свет. Вот мелькнула луна
И оставила след свой на стеклах,
И ночная вода ни светла, ни темна,
Под скамейкой собака промокла.

Не согреться, наверно, уже никогда.
Дождь по веткам стекает упрямо,
И последняя облаком смыта звезда,
И за стенкой тревожится мама.

Мама, сколько еще нам дождей впереди
Отвели у слепого порога?
Серой сеткою в окнах рассвет зарядил
Новый день. Ты поспи хоть немного.

Встанем утром, собаку пойду покормлю,
Дождь унялся и высохли крыши...
Позабывтое эхо со словом — «люблю» —
Мной несказанным, — ты ведь услышишь?

ДВОРНИК

Подсохшей кромкой заострились листья,
Еще летят, буравя первый снег,
Накрывший осень. Дворник скверы чистит
И мерзнет. Он ведь южный человек.

От хлопка и арыков оторвавшись,
И рукавом смахнув с лица зевок,
Коротким птичьим именем назвавшись,
Пугается вниманья моего.

Как будто бы отбившийся от клина,
Не дотянувший верный перелет,
Над этой холодеющей равниной
За кругом круг, скребет себе, скребет...

«Такая жизнь...» — скажу ему, себе ли...
«Какая?» — только б не спросил в ответ.
По обе стороны одной сквозной метели
Разводит нас проснувшийся рассвет.

ФЛОРЕНЦИЯ

Обустроенной вечностью город,
С двух сторон обтекает, кренясь,
Кто-то был здесь беспечен и молод,
Кто-то плакал, к стене прислонясь.
С нереальной легкостью осень,
Обгоняя прохожих, плывет.
Дождь уже ничего не приносит,
Не уносит, а просто идет.
Там, где мрамор меняет оттенки
Обнаженных колонн и фигур,
Притаился в античном застенке
Узких улиц бикфордов шнур.
Но его я зажечь не сумею,
Потому что не хватит огня,
В этот раз я не так им болею,
В этот раз он не принял меня,
Потому что не будет другого,
Знаю то, что не следует знать...
Но прощанья последнее слово
Так не хочется здесь вспоминать.

Ноябрь 2007 г.

* * *

Давали всё и отнимали всё,
И перепуталось за чем что шло и было,
А ветер тишину мою засек
И поднял промежуточный песок,
И сразу осень наступила.
Не время года, а вообще — пора.
Пора, пора — на землю лягут тени.
Привычку жить заклинило с утра,
Не греет больше блочная нора,
И смысл, не глядя, правит угол зренья.
Я по нему сползаю в немоту,
Сползаю в сквер, к траве, иду на ощупь,
Чуть ниже крон, где день почти потух,
Грибами пахнет и дождливой рощей.
В заплатках листьев оскудевший свет,
Как пес бродячий, тихо лижет руку,
Идет по следу и глядит мне вслед,
И разницу меж словом «да» и «нет»
Теперь я различаю лишь по звуку.

МОСКВА – КОСОВО – МОСКВА

Живеле (серб.) – на здоровье
Кос (серб.) – грач

Утро по самой окраине
Водит мотив круговой,
Кто тут живой, кто тут раненный,
Кто тут еще молодой?
Поздние сумерки Косово
Медленно сходят на нет...
Там уже меньше вопросов,
Там и не нужен ответ
«Живы ли, живы ли в Сербии?» –
Сербским зову языком,
Мечется эхо на севере,
Так мы и все пропадем.
С поля три пули начальные
Бьют, не касаясь земли,
Трижды зарю прокричали,
А на четвертый зажгли!
И расплескавшись над страхом тем,
Воздух немного горчит,
И по войне как по пахоте
Черные ходят грачи.

Октябрь 2007 г.

* * *

Поэтический мат фестивальный
И не выключешь слов из строки,
Ходит ворон тропой инфернальной,
Ест с ладони чужие стихи.
Что с ним будет теперь, бедолагой?
Жизнь не каркнет вдогонку — «Замри!»
Улетает он вдоль Кара-Дага
Ждать своей запоздалой зари.
Там в оливковых рощах пробелы
И просветы холмов на излет,
Облака нарисованы мелом
И под ними гуляет народ.
На татарские шапочки мода
(Городов нам уже не сдавать).
Крым встречает себя непогодой
И ложится с утра отдыхать.
Может сдуру Волошин присниться,
Если бросить на берег монет —
Лучший способ к себе возвратиться
Самой верной из местных примет.
А как только любви станет мало,
А стихов ровно наоборот,
Хоровое, полынное жало,
Как прививка по кругу пойдет,
По стаканам и с белым, и с красным,
И с коротким призывом — налить.
Боже мой, как мы станем прекрасны,
Как сумеем и петь, и дружить.

ЗИМА

Нехотя зимний воздух
Подтаял над серой крышей,
И эту слепую воду
Голубь, склонившись, пьет.

Все стало как будто ниже,
Бледнее перед восходом,
И от бесчувствия света
Слышно, как снег идет.

Приблизившись, утро стынет
Вдоль улиц моих Песчаных,
Шуршит песок под асфальтом,
Шагов повторяя счет,

А небо в просветах синих,
Как будто бы шар стеклянный,
Спустилось почти на землю
И на земле живет.

Когда возвращаться поздно,
А просыпаться рано,
Почти не уходят звезды,
Все те же стоят дома...

И ветер роняет слезы
На каждого без обмана,
Срывает пустые гнезда,
Зима на свете, зима...

* * *

Эта фреска из мелких членений,
Этот взгляд в ожиданье тепла,
Недовольная кошка с коленей
Мягко спрыгнула, прочь отошла.
Все берется и делится мелко,
Не слова, только звуков налет,
Недосказанной мысли подделка
Не согретым зверьком побредет.
И окажешься сфинксом безгласным,
Властелином примолкшей судьбы.
Это может быть очень опасным,
Это может и вовсе не быть.
Просто холодно и невозможно,
Отчего-то знобит по утрам,
В белом поле снегов бездорожье,
В темном доме обиды и срам.
Но по воле всесильной природы,
Разоренной почти что дотла,
Проклиная себя и погоду,
Равнодушного просишь тепла.
Подберут и накормят, быть может,
Да, скорее всего, подберут.
Все отслужишь, счастливый до дрожи,
Заблудившийся маленький шут.

Лес притихший и первые звезды,
И следов проступающих нить...
Здесь спокойно, разумно и просто...
Но темнеет. Пора уходить.

БАБУШКЕ

*Александр Николаевне
Головановой*

Родиться успела, а вырасти нет,
В том времени детском, и время другое
Нагрянуло вдруг. Ну вот и ответ
На то, что в душе начались перебои
И в сердце. Искавшая место себе
Всю жизнь, его все-таки не находила.
И снова идут перебои в судьбе,
За то, что, наверно, искала вполсилы.
И беды как пристань. И кажется храм
Последним укрытием. Только сначала
За хлебом спросонок. Знобит по утрам,
А все же не греют чужие подвалы.
Устроилась вроде, полдома, семья,
И выросли дети, свои как чужие...
И возле сирени пустая скамья,
Снесли все опять. И как будто не жили
Они никогда. Ведь терять как любить
Лишь стоит начать и не будет предела...
И выпало мне этот путь повторить,
Тот самый, которого ты не хотела.

БЕЛЫЙ СНЕГОПАД

Я однажды не проснусь
И увижу дом.
Возле самого причала
С морем за окном.
В яблочный шагну рассвет,
Помашу судьбе,
Этот дом — он столько лет
Ждал меня к себе.
Ветер сумерки прогнал
К наливной волне,
Тот, кто небо начинал,
Вспомнит обо мне.
Тот, кто радости учил,
Пожалеет вспять.
Станут снежные лучи
По дому гулять,
Приберут, мелькнет в повторе
Лиц утешный ряд...
Ну а дальше только море —
Белый снегопад.

* * *

Пора уж меняться местами...
Сквозной коридор деревень,
Дорог сокрушенная память,
Да рек разливанная тень.

Еще три окошка на запад
Не взвидят ни света, ни дня,
Крест накрест вколачивал заповедь
Хранитель меча и огня.

Живи и владей. Не живется.
Владеется. Чем-то. Вдали.
И черные рамы колодцев
На черную воду легли.

Дряхлеют старушечьи лица.
Уже ни околиц, ни лиц.
В столицу! Какая столица
Меж нищих безлюдных границ...

Пора уж меняться местами,
Веками, родами... Велик
Стирающий грани меж нами
Все вынесший русский язык.

* * *

Руки, которые ничего не держат,
Звуки, которые ничего не значат,
Человек, у которого всё не на месте,
Не срослось. И жизнь на исходе,
Одевается, из дому утром выходит,
Ищет себя повсюду, но поздно...
И опять возвращаться, и те же звезды,
Не в трамвае и не в метро, а иначе...
Кто по тебе, такому, поплачет?
Кто послушает, кто пожалеет...
Мир вокруг ничего не умеет.
Таким вот создан, с таким и прожил,
Теперь и его узнать не может.
В зеркало взглянет — как непохоже
На умысел твой. Прости его, боже!

МОЙ ДОМ

Ты подбрось мое детство как камешек вверх,
Где замерзший миндаль почерневшими ветками плачет,
И куда упадет, там построю я дом, не для всех,
А для кошек, собак, да еще для их няньки бродячей,
Бессарабской, крикливой, стремившейся выжить в пути,
Так сойдемся мы все в этой точке, в одном Подмосковье,
Я их стану жалеть, и кормить, и немного грустить,
Оттого, что давно рассчиталась со всякой любовью.
В этом доме расти и родиться не выпало мне,
Он несбывшимся детством наполнен, к которому
я опоздала,
Пусть стоит он, как сцена в антракте, пустой не вполне,
Пусть все будет как надо, как быть бы могло,
как не стало.

* * *

А когда спешить друг к другу устали,
Сразу осень отвернулась и скрылась,
Прохожу сегодня теми местами,
Не узнать их, знаешь, все изменилось.

Заметать следы торопится город,
И следов-то тех — самая малость...
Поднимаю на ветру стылый ворот,
Лишь одна зима на свете осталась.

А тебя здесь вспоминают не часто,
Впрочем, это все, конечно, пустое...
Время к нам, ко всем давно безучастно,
Ничего лечить им, знаешь, не стоит.

Навестить тебя — мне повода нету,
А случайно встретить — где та случайность?
Набираю телефон, жду ответа...
Знаешь, все-таки, наверное, скучаю.

ПОДРУГЕ

Я знаю, что и ты, и ты,
Та, с кем сошлись мои печали,
Изменишь прежние черты,
Такие близкие вначале.
И беспощадная латынь
Перетолковывает фразу:
«Проходит все...», уйдешь и ты,
Хотя, наверное, не сразу.
Ну а пока дружи, держи
Не нами созданную близость,
Мы обе знаем — это жизнь,
Ее приметы и капризы.
Пока и повода искать,
Чтоб пересечься в центре зала,
Не надо, чтоб взахлеб шептать,
Что он сказал, что ты сказала...
К тревожному звонку в ночи
Еще летят две наших тени,
Но все-таки уже горчит
Привычный привкус откровений.
И жало недоверий жжет,
И недосказанность маячит,
Все обозначив наперед
Своей поспешностью незрячей.
Я поворачиваю вспять,
Не понимая, в чем же дело?
Я так хотела не терять,
Но ты ведь тоже так хотела.

ТЕЛЕФОН

Р. Казаковой

Телефон твой включен, а ты умерла,
Он звенит пустотой, бьется в кармане,
Так призывно-настойчив, что эта мгла
Что-то сложит в небе, щелкнет и станет
Твоим голосом — и ни одной помехи,
Он мне скажет спокойно, что ты недоступна,
И у смерти бывают свои огрехи,
Хотя, впрочем, это — скорее поступок,
Щедрый жест оттуда, летейское эхо
Или связь достигла таких пределов?..
Говори, не молчи — это жизнь помеха,
Я еще безумнее, чем хотела,
Говори — ничего не бывает поздно,
Мы с тобою опять, чтобы там не было..
И с твоей интонацией шепчет воздух,
И в слепых облаках пропадает небо.

Май 2008 г.

ГРУЗИНСКОЕ ЛЕТО — 2008

В моем славянстве нет помехи,
И за неделю до приказа
Смотрю в упор на храм Метехи
Под вечным кратером Кавказа.
Здесь войны будто прописались,
Как коммунальные соседи,
И горизонт, слегка оскалась
От жара, так же сух и бледен.
А вот кресты как в Подмосковье,
И лик заступницы все светел,
Не разделяя нас любовью
По небесам — на тех и этих.
Лишь за неделю до отстрела,
В один неверный час восхода,
Дорога к храму опустела,
Собрав всех ласточек у входа.
Как ни суди — не спросят даже,
Вошел конвой — конец свиданья...
По «холмам Грузии» бродяжит
На чьих-то танках «дух изгнанья».

О НЕ ПОЕЗДКЕ ВО ВЛАДИВОСТОК

Пора считать несбывшиеся рейсы,
Меняться поздно. И тоскливо, и темно.
Дороги вдруг расходятся как рельсы,
И им, дорогам, это все равно.
Прощай Владивосток. Сегодня край ты дважды —
Во мне и у Земли. И обломав порог,
Не видеть мне китайско-русских граждан
И в океане не мочить сапог.
А что взревел Аэрофлот турбиной,
Так и не счесть пробоин в облаках.
Я здесь свои замажу вязкой глиной
И понесу сосуд некрашенный в руках,
Где на краю двора, как раковина створки,
Сомкнет земля летучей кромки клеть,
И голубь, что с утра долбит сухие корки,
Похож на чайку, если сверху посмотреть.

* * *

Когда тщетой усилий смертных
Проходит пыл, что остается с нами?
Раздоры пустоты не заполняют,
Они лишь повод, чтоб отвлечься от тоски.
Острее жало, жаль и жди ответных
Уколов, но они едва ли ранят
Больней, чем холод собственной руки
Над белой бессловесною пустыней
Листа простертого. И дружество ничто
В сравнении с бессмертием. Как тяжко
Терпеть живую немоту, отныне
Всю превращенную в крикливый диалект
Бессмысленных упреков и повторов,
Да скоро ли прервешься? Нет, не скоро,
Пока последний не убит сюжет,
Предметен спор, в отсутствии иного.
А ведь в начале, помню, было слово,
Которому не виделось конца.
А время только путь, не различив лица,
Пройти и позабыть, когда тебя забудут,
И только слух, повергнутый оттуда,
Куда уходят все. Уйдешь и ты,
Мгновенным ветром наконец затихнув.

СЕВАН

А я не знаю, как цветет гранат,
Но в алых брызгах раннего тумана
Себя я погружаю наугад
В немислимые градусы Севана,
В те две ладони полные воды,
Где маятник всегда голодных чаек
Раскачивает воздух вдоль гряды,
Почти по-человечьи отвечая,
Роняет камни будто для игры,
Камней так много, что собравшись сами
Собою, вместе строились миры,
И даже алфавит здесь — тоже камень.
Я глажу букв изгибы и углы,
Оборотясь к осеннему закату —
Отнять бы Арарат у этой мглы,
А может просто тосковать по Арарату?..

Октябрь 2008 г., Москва

* * *

Вот и я больше дни не считаю,
Отпускаю кружиться окрест,
Будто ту говорливую стаю
Из каких-то несбывшихся мест.

И подхватит их воздух незримый —
То поднимет, то бросит опять,
Соберу ли, пройду ли я мимо?..
Мне уже ничего не поднять...

Потревожит ли отзвуком чувства
Неуверенный утренний свет?..
Все равно. Здесь дождливо и пусто.
Только осень, а прошлого нет.

Только этой равниной покатою,
Только ей и дышать точно зверь...
Так любить не умела когда-то,
Для чего же умею теперь?

СОЗВЕЗДИЕ БЕЗДОМНЫХ ПСОВ

Полуобжитые кварталы
Забывших улиц силикатных,
Там жизнь себя не узнавала,
Заглянет и спешит обратно,
От этой станции конечной,
С автобусной подножки мерзлой,
За безбилетным ветром встречным,
Сшибающим сухие слезы.
Строений брошенных во мраке
В окраинном лихом бессилье,
Рождались светлые собаки
И никуда не уходили.
Приговоренные быть рядом
Лохматой, брошенную стаей,
Каким-то параллельным адом
Лежали, в сумраки вращая.
А снег все падал на загривки
И застывал в глазах собачьих,
Но нет от верности прививки,
И свет казался им незрячим...
Слепых дорог тугое жало
И визг убитых тормозов,
А в небе навсегда сияло
Созвездие бездомных псов.

09 января 2009 г.

ЗЕМЛЕРОЙКА

В черных росах, над ночью травую
Заметался мотыльковый ветер.
Может, это души землероек —
Самый непонятный зверь на свете.

Звать домой пришли, но позабыли,
Заболтались, чтобы отдохнуть,
Мне казались зрячими их крылья,
Был так непонятен этот путь.

Выбирала одного упрямо,
И не уставала повторять —
Мотылёк, ну сделай так, чтоб мама
К выходным приехала опять.

Приезжала. Боже мой, как много
Так расти и так взрослеть навзрыд.
Где-то там лежит моя тревога,
Землеройкой мёртвою лежит.

* * *

Несвободную волей своей
Я приколота будто иголкой
То на кухоньке возле дверей,
То над детской книжной полкой.
Я такой расписной экземпляр,
Я почти что не чувствую боли,
И лиловый качается шар,
Майский шар моей первой неволи.
Где сирени весной изранены,
Где ломают их ветками впрок,
Там меня научили быть крайнею,
Я никак не забуду урок.
И никак не взростеют те сумерки,
И зеленая всходит листва,
Там, где годы мои будто умерли,
Там, где я почему-то жива.

Май 2009 г.

* * *

Страх любви — это самый последний урок
За пределами всех расписаний,
Я не знаю ответа и тянет звонок
Передышку, как смерть под часами.

Отступает один и выходит другой,
И рукав у рубашки закатан,
День качает пустою своей головой,
Разбивая стекло циферблата.

Осыпаются стрелок сухих лепестки,
И себя пожалеть не умея,
Безнадежно и молодо, из-под руки
Смотрит мама, а снимок желтеет.

Я боюсь коридоров, где нет ни души,
Что окликну — боюсь, не ответят.
Страх любви за подкладку надежно зашит,
Как с войны позабытый конвертик.

ПО ГРУЗИИ

Маквале Гонашвили

Июль внахлест, а зелень все свежа,
В Колхиду странно добираться не по морю.
Автобус, между склонами зажат,
Ворчит себе, соседней речке вторя...
А берег прост. Подшерстком у песка
Вдоль серой кромки вечереет стадо,
И юность общая так кажется близка,
Что ближе не бывает... и не надо.
Кувшин вина, полна присутствий ночь,
Отодвигая быстрый час рассвета,
И пения уже не перевозмочь —
Ах, Грузия, люблю тебя за это,
За трижды позабытое вчера,
За то, что улыбается Маквала...
Не глядя принимала нас Кура,
Когда Москва, не глядя, отпускала.

АВГУСТ

Похмельный август жжет, как спички, звезды
И матерятся сумерки сквозь зубы
Чужими голосами. Слишком поздно
Для тех, кто прибыл и для тех, кто убыл.
Я выхожу, натягивая свитер,
За мной в окне еще немного света,
Калитка стукнет, мы с тобою квиты,
От одиночества скорее, чем от ветра.
Здесь так темно, как будто все чужое,
Прицелясь, вслед мне яблоко упало,
Но миновало время травостоя,
И сенокоса время миновало.
Не знаю как перезимуют осы,
А бабочки, уж точно, умирают...
И ночь уже не задает вопросы,
Ответы на которые не знает.

Январь 2010 г.

БЕРЕГ

Все нежнее скользят ладони,
Чайка в небе заходится криком,
В этом звуке, в этом синхроне,
Все, что я не умею. Дико
В естестве своем речь утратить
И опомниться, обретая.
Только чайке шепчу я — хватит,
Ты же видишь — я не летаю...
С этим ветер смирился даже,
А уж как был силен, проклятый,
Мы лежим на пустынном пляже,
Будто раковина — разъяты.
Будто раковина, чьи створки
Разомкнулись, устав быть целым,
Две ненужные вещи. И белым
Чуть подсвеченный, смотрит с галерки
Мир уставший, забыв нам сниться...

Только море. И птицы, птицы...

Февраль 2010 г.

ФЛОРЕНЦИЯ

Предошущение смерти
Не так тяжело, поверьте,
В городе, где визави,
Живет ощущение любви.
Времени не бывает
В нем нет никакого смысла,
Каждый, кто поступает
Так, будто помнит числа,
Будет забыт и отвержен
На этой античной сцене,
Где мрамор так гибок и нежен,
Но все-таки неизменен,
Где речь обрела приметы,
И продолжает длиться,
На языке поэта
С профилем, как у птицы.
А все остальное — застыло
В конном ли виде, в скорбном,...
Флоренция так любила,
Что никогда, повторно,
Не сможет под именем Биче
Себя предъявить другому,
И скорбной вдовою кличет,
И водит от дома к дому
Подданных всех и гордо
Все ищет вчерашний свет...
А что еще может город,
В котором Его больше нет?

Февраль 2010 г.

* * *

Почти смиренье в каждой фразе
И пес, присевший возле ног
Не помышляют об отказе,
Да кто бы смог, когда бы мог?..

Себя забывшая держава
В какой-то камерной глуши,
Все повторяет — Окуджава...
И расставаться не спешит,

Так слушает, что мир сначала
Себя готов начать и быть.
С той точки, где любовь застала,
Где так смертельно — не любить!

И жест — открытою ладонью,
Как будто ветку отстраняя, —
Так бродит музыка на склоне,
Лозою юной прорастая,

Так к горлу подступает жалость,
Которой, все-таки, желалось,
К себе — не ставшему, меж светом
И тьмой, по лезвию скользя...

И нелегко признаться в этом.
И не принять — уже нельзя.

Февраль 2010 г.

В МЕТРО

Есть две Москвы, как две ладони,
Как две поверхности. Одна
За переменами в погоне,
Другая тыльная — она

Укроет так же, как в те годы,
Толпу, распятую войной,
Метро спасительные своды
Сумели заслонить собой.

И до сих пор, на «Маяковской»,
Сойдя на арочный перрон,
Я голову откину просто
И вижу небо тех времен.

И детство под названием «Сокол»,
Где все года мои сошлись...
«Не прислоняться» — с этих стекол,
Как с киноплёнки, смотрит жизнь...

Март 2010 г.

МОЛИТВА

Господи, прости мою душу грешную,
Не отселяй меня в тьму кромешную,
Дай нарадоваться тому, что зовется здесь светом,
В каждом Твоем доме, каждым Твоим летом.

Тихой окраине, голубиному утру,
Берега раннего зябком перламутру,
Панцирю улиц даже, где жить так смрадно,
Слову, которое скажешь, а я повторю нескладно.

Еще дай не сделать того, чего так хотела,
Не желать желаемого, ни умом, ни телом,
По уже свершенному плач души все тише...
Слово Твое прощенное, Господи, дай услышать.

Апрель 2010 г.

* * *

Дерево проснется и приснится,
В клейких почках ожидания дрожь...
Наугад открытая страница,
Ночь, смотри, а всю не перечтешь.
Соберем, что было у кого-то
И сойдемся к братскому костру,
Видишь, как пылает над болотом
Яркий свет, особенно к утру?
От него ли зажигают свечи,
По нему ли плачут и поют?..
Знаю ведь, что расплатиться нечем,
Ни за этот, ни за тот приют.
Как мальчишка, затевает ветер
Про любовь нелегкий разговор...
Хорошо, что жизнь одна на свете,
Потому, что больше — перебор.

2010 г.

ТАМ

Вот опомнилась — ведь никому,
Никогда не хотела присниться,
Все бродила одна в дому,
Не жена, вроде, и не девица...
Утонуть не смогла ни в одном,
Кем бы он не умел казаться.
Я построила этот дом,
Чтобы в нем самой и остаться,
Чтобы был он прочен и пуст,
Чтоб встречали умные звери,
И, как в детстве — сирени куст
С краю сада, у самой двери...
Время звуков все шло по пятам,
Дождалось. И себя ему в руки,
Отдаю. Я состарилась Там,
Для него, оплатив все разлуки.

Июнь 2010 г.

* * *

*«Встань пораньше, встань пораньше,
встань пораньше...»*

Б. Окуджава

«Встань пораньше...», — вот так я всю жизнь
Встать хотела и рано, и скоро,
Выпив чаю, сбежать и кружить
По дворам и любить этот город.
Догонять поливальных машин
Брызги и хохотать до упада,
Чтоб сирени высокий кувшин
Поднимался над домом, над садом.
Так я счастье себе целиком
Представляла — как просто утро,
Просто утро за каждым окном.
И все живы, все живы как будто!
Все казалось — могу отложить
И в любую минуту вернуться,
То кого-то боясь разбудить,
То сама не умея проснуться.

СССР

Эта — великая малость,
Эта — одна на всех,
Та, что тебе досталась,
Может, вселенская жалость,
Может, державный грех...
Перемени название
Цепью горящих букв —
Легче едва ли станет.
Только все также манит
Режущий горло звук.
СССР — помилуй,
Боже, раз не спаси!
Хоть и живем в полсилы,
Столько порой заносило,
Но чтобы так занести...
С южных окраин — пули,
С Балтики — холод слов!
Что они все рехнулись?
В небе моем схлестнулись
Арки живых мостов.
В азбуке многоточий
Русские бьются лбы.
Что же, расчет был точен:
Этих убийств и пощечин
Хватит на две судьбы.

КОВЫЛЬ

Степная, тугая, арканит, затянет печаль —
От края до края полынные ветры качать.
Серебряной плетью сверкнет впереди горизонт
И в облако метит и белые брызги вразлет
По белой поляне, по белой ложбине мой путь
Обоз ли отстанет, судьба ли потянет свернуть,
Где лошади профиль монетно впечатан в закат,
И рыжею кровью атласные вены гудят.
Вот прорубь, вот птица, вот стылый и ломкий ковыль.
И солнце крошится, пестря, в придорожную пыль.
Отсюда курганы мне кажутся ниткою слез —
Последней охраны последний отставший обоз.
И я улыбаюсь тому, кто не видит меня,
Вот так отступая, вот так, не касаясь огня.
Полжизни на вдохе, полжизни — совсем никому,
И лошади профиль чеканит пришедшую тьму.

2010 г.

* * *

Клуб Чкалова — это на улице Правды,
Всех елок моих новогодний приют,
Да в гости к сестре, где не очень мне рады,
Но спросят о маме и чаю нальют.
К столу пододвинувшись с самого краю,
С подарком бумажным тоскливо прижмусь,
Какой половиною крови не знаю,
Но в эту семью я никак не гожусь.
Другая здесь жизнь и другая здесь память, —
Похожий на праздник налаженный быт,
И знать им зачем, как бывает там с нами,
О чем эта девочка рядом молчит.
Когда все смешав, повзрослевшие годы
Забросят десантом в другую страну,
Лишь улицу Правды минуют невзгоды.
Она ведь одна. Я и помню одну.
Нет клуба, сестры, а вот Чкалов летает,
Навеки уйдя в свой последний вираж.
Земля никогда никого не теряет,
Меняется время и экипаж.

СОДЕРЖАНИЕ

- 6 / «Пьет бабочка. Упругий хоботок...»
- 7 / «Капли песка вокруг крабовых лунок...»
- 8 / «Я касалась твоего пространства...»
- 9 / Осенний человек
- 10 / Афганистан
- 11 / Молитва
- 12 / «Как мешает влюбленность...»
- 13 / Венеция
- 14 / Если я бог
- 15 / Ночь
- 16 / Прага
- 17 / Улица Данте
- 18 / Рождество
- 19 / Люблино
- 20 / Март
- 21 / Женщина
- 22 / Лето в Симеизе
- 23 / Дворы
- 24 / Июль
- 25 / На даче
- 26 / Отражение
- 27 / «Увидеть все, чем засветло живу...»
- 28 / Октябрь
- 29 / Ночная бабочка
- 30 / Осень
- 31 / Черемуха
- 32 / Ты и я
- 33 / «Простое качество простора...»
- 34 / «Вот бы жизнь простоять у колодца...»
- 35 / «Свет без тепла — это зимняя данность...»
- 36 / «Птичий крестик на песке...»

- 37 / «Воздух светился и оживая...»
38 / День рождения
39 / «Вот створ калитки, край скамьи...»
40 / «Капель грохочет по железу...»
41 / «Пасека тебя как пасынка...»
42 / «Я хочу побыть одна...»
43 / Осень
44 / «Птичий причал, гомон и грай...»
45 / «Длинные тени путь перекрыли...»
46 / «Вот наконец тот самый дождь прошел...»
47 / «Такой неотвратимый, жесткий шанс...»
48 / «Дощатый забор весь почти перелатанный...»
49 / Москва
50 / «Улетающий змей бумажный...»
51 / «Всюду здесь глушь, бродят огни...»
52 / «Еще одним витком разлуки...»
53 / «Ведь надо ж было мне дожить до дня...»
54 / Ходынка
55 / «На моем языке — осень...»
56 / «И воздух подсветкой над травами стелется...»
57 / «Когда от слабости немея...»
58 / Коктебель
59 / «Хмурится небо над Истрою...»
60 / Санки
61 / «Две окаменелости природы...»
62 / Новый год
63 / Дождь
64 / Дворник
65 / Флоренция
66 / «Давали всё и отнимали всё...»
67 / Москва — Косово — Москва
68 / «Поэтический мат фестивальный...»
69 / Зима

- 70 / «Эта фреска из мелких членений...»
71 / Бабушке
72 / Белый снегопад
73 / «Пора уж меняться местами...»
74 / «Руки, которые ничего не держат...»
75 / Мой дом
76 / «А когда спешить друг к другу устали...»
77 / Подруги
78 / Телефон
79 / Грузинское лето — 2008
80 / О не поездке во Владивосток
81 / «Когда тщетной усилией смертных...»
82 / Севан
83 / «Вот и я больше дни не считаю...»
84 / Созвездие бездомных псов
85 / Землеройка
86 / «Несвободною волей своей...»
87 / «Страх любви — это самый последний урок...»
88 / По Грузии
89 / Август
90 / Берег
91 / Флоренция
92 / «Почти смиренность в каждой фразе...»
93 / В метро
94 / Молитва
95 / «Дерево проснется и приснится...»
96 / Там
97 / «“Встань пораньше...” вот так я всю жизнь...»
98 / СССР
99 / Ковыль
100 / «Клуб Чкалова где-то близь улицы Правды...»

Поэтическая серия
Библиотека журнала «Дети Ра»
книга двадцать седьмая

ДРУГАЯ ПАМЯТЬ
Елена Иванова-Верховская

Редактор — *Евгений Степанов*
Художественный редактор — *Андрей Глазов*
Компьютерная верстка, макет — *Марина Кива*
Корректор — *Фёдор Мальцев*

9 785918 652008

Бумага офсетная
Гарнитура Petersburg
Тираж 150 экземпляров
Сдано в набор 09.11.2012
Подписано в печать 25.11.2012

Библиотека журнала
«Дети Ра» (издательство «Вест-Консалтинг»)
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75.

Типография ИПК «Квадрат»,
Белгородская обл., г. Старый Оскол,
Комсомольский проспект, 73.